

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ Н. М. КАРАМЗИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить основные направления творческого взаимодействия Ф. М. Достоевского с наследием Н. М. Карамзина с учётом принципов поэтики повествования и специфических форм воссоздания повествовательной динамики в тексте. Предполагается возможность обновить представления о взаимодействии Достоевского с традицией сентиментализма: помимо сентиментального пафоса сочувствия и гуманных принципов уважения к личности «маленького человека», в статье рассматриваются также разнообразные приметы творческого взаимодействия автора с читателем, повествовательной «игры», в русской литературной традиции соотносимые с творчеством Н. М. Карамзина.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Автором выявлены и проанализированы специфические формы взаимодействия Достоевского с карамзинской традицией построения динамического повествования, становление и изменчивость которого означает для писателя и возможность внутреннего становления, развития личности героя-повествователя. Анализируются формы взаимодействия героя-повествователя с литературной традицией, к которой он себя относит, особенности самосознания героя, пробующего свои силы в авторстве, особенности включения литературных реминисценций в кругозор героя и автора.

Результаты. В ходе работы были выявлены сопоставимые формы воссоздания литературного «диалога» с претекстами, формы воссоздания мотивов творчества и специфические характеристики описания героя, высказывающего своё «слово о мире» в повествовании. Воссозданы типология взаимодействия Достоевского с элементами динамической поэтики повествования, в русской традиции соотносимой с прозой Н. М. Карамзина, а также специфика переосмысления сентименталистских мотивов в художественном мире романа «Бедные люди».

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен новый подход к сопоставлению творческих исканий Достоевского с карамзинской традицией, а также расширены представления о роли и значении сентименталистской традиции в творчестве писателя.

Ключевые слова: «Бедные люди», поэтика повествования, образ художественный, сентиментализм, литературная традиция

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научно-го проекта № 19-012-00292 «Н. М. Карамзин и его окружение».

NARRATIVE PRINCIPLES OF N. KARAMZIN IN THE ARTISTIC STRUCTURE OF F. DOSTOEVSKY'S "POOR FOLK"

T. Alpatova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

© CC BY Алпатова Т. А., 2021.

Abstract

Aim. The aim of the article is to study the main directions of the creative interaction of F. Dostoevsky with the legacy of N. Karamzin, taking into account the principles of narrative poetics and specific forms of recreating narrative dynamics in the text. It is proposed to revisit the ideas about the interaction of Dostoevsky with the tradition of sentimentalism: in addition to the sentimental pathos of sympathy and humane principles of respect for the personality of the "little man", the article also examines various signs of the author's creative interaction with the reader, the narrative "game", which in the Russian literary tradition, is correlated with N. Karamzin's works.

Methodology. The author identified and analyzed specific forms of Dostoevsky's interaction with the Karamzin tradition of constructing a dynamic narrative, the formation, and variability of which means for the writer the possibility of internal formation and development of the personality of the protagonist-narrator. The author analyzes the forms of interaction of the protagonist-narrator with the literary tradition to which the protagonist relates, the peculiarities of the self-consciousness of the protagonist that tries to create, the peculiarities of including literary reminiscences in the horizons of the character and the author.

Results. In the course of the work, we identified comparable forms of recreating literary "dialogue" with pretexts, forms of recreating the motives of creativity and specific characteristics of the description of the protagonist expressing his "word and the world" in the narrative. The article recreates the typology of Dostoevsky's interaction with elements of the dynamic poetics of narration, in the Russian tradition correlated with the prose of N. Karamzin, as well as the specificity of rethinking sentimental motives in the artistic world of the novel "Poor Folk".

Research implications. The author managed to propose a new approach to comparing Dostoevsky's creative quests with the Karamzin tradition, and also to expand the understanding of the role and significance of the sentimental tradition in the writer's work.

Keywords: "Poor Folk", narration poetics, artistic image, sentimentalism, literary tradition

Acknowledgments. The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No 19-012-00292 "N. M. Karamzin and his entourage".

Введение

Проблема творческого усвоения Ф. М. Достоевским карамзинского наследия, как и литературного наследия XVIII в. в целом, не раз становилась предметом изучения в отечественном и зарубежном литературоведении [4, с. 152–169; 5, с. 7–31; 8, с. 164–174; 10, с. 866–870]. При этом, как правило, речь шла о раннем творчестве писателя, обычно – о романе «Бедные люди», в аспекте сентименталистской художественной традиции, о специфическом признании внесловной ценности человека, пафосе сочувствия, гуманных идей защиты личностного достоинства «простых» людей [7, с. 419–428]. Именно сентименталистский психологизм мыслится как отправная точка в развитии той формы изображения внутреннего мира личности, которая впоследствии будет развита

Достоевским в его более зрелых произведениях.

Однако помимо очевидных генетических параллелей, существующих между произведениями раннего Достоевского и сентименталистским психологизмом Карамзина, представляется возможным выделить ещё одно направление творческого «диалога» писателя с карамзинской традицией. Типологическое родство видится в некоторых специфических формах модели повествования от первого лица, полифонический потенциал которой у Достоевского, по-видимому, наследовал тем возможностям повествовательной динамики, что были впервые представлены в русской литературе именно в карамзинских произведениях.

Новаторство повествовательных принципов Н. М. Карамзина и проблема их рецепции в творчестве Ф. М. Достоевского

Для прозы XVIII в. «докарамзинского» периода характерно использование повествования «от первого лица» в сугубо условном облике. Сюжетно-композиционная мотивировка этой формы – «история» того или иного романного героя, причём сам роман как целое строился как цепочка такого рода «историй», ни по стилю, ни по внутреннему психологическому содержанию не отличимых друг от друга, так и форм «авторского», третьеличного повествования (авантюрно-приключенческие романы Ф. А. Эмина стали наиболее последовательной реализацией данной модели). Несколько большее разнообразие в строй повествования от первого лица была призвана внести эпистолярная форма, само возникновение которой ассоциировалось у современников с сентименталистским психологическим романом С. Ричардсона, Ж.-Ж. Руссо. Однако и в этих опытах («Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и др.) сюжетно-композиционная мотивировка «письма» не раскрывалась глубже уровня внешнего романного построения; личность «автора письма» не определяла собой ни стиля повествования, ни потенциала отражения в нём «картины мира» личности.

На этом фоне карамзинская проза резко выделяется в силу нескольких факторов.

Прежде всего, предельно субъективной окрашенностью самого повествования, дающей возможность говорить об индивидуализированной картине мира героя-повествователя. При этом раскрытие личных характеристик происходит не только в таких очевидных моментах, как лексико-фразеологический, «идеологический» уровень раскрытия «точки зрения», но в самом ведении повествования, в подлинном создании ситуации письма, сотворяющего мир текста в целом.

Ярче всего этот потенциал перволичного повествования раскрывается в «Письмах русского путешественника», и по форме,

и по сути ставших смелым нарративным экспериментом. Его результатом стало наделение фикционального повествования подлинно художественным статусом: перенос читательского интереса с внешней сюжетной занимательности на «внутреннее» психологические мотивировки и закономерности поэтики. Оформление в карамзинском повествовании фигуры повествователя во всем богатстве его субъективных качеств сформировало в итоге «словесный космос» произведения как художественного целого. Текст стал сложной организованной системой, многочисленные, причудливо взаимодействующие уровни которой в совокупности воплощали некую концепцию мира и человека, обусловившую его самодостаточность и самоценность.

Именно в этом смысле можно интерпретировать открытие Карамзиным «нарративного жанра», ставшего отправной точкой для последующего развития русской прозы. Оказывается в этом ряду и Достоевский, в произведениях которого «ситуация письма» также связана не только с раскрытием психологического состояния и идейно-философской позиции героя, но именно с целостной концепцией мира и человека, стремящегося в слове этот мир выразить.

При этом своеобразие подхода Достоевского видится в том, что практически каждый из его героев-рассказчиков воспринимает «ситуацию письма» прежде всего как принципиально новый опыт, чрезвычайно сложный и в некотором смысле носящий инициатический характер. И Макар Девушкин, и рассказчики «Записок из Мёртвого дома» и «Униженных и оскорблённых», и «подпольный парадоксалист» («Записки из подполья»), и хроникёры в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», и Аркадий Долгорукий в «Подростке» на начальных стадиях «великого делания» своего рассказа о мире обостренно чувствуют собственную слабость, невыработанность слога, они не уверены в собственных силах и с трудом ищут возможности высказывания.

Типология приёмов создания «становящегося» повествования в романе «Бедные люди»

Оформление подобного динамичного, становящегося повествования предполагает подчёркивание самой формальной структуры текста, в условно представляемой «норме» незаметной для читателя. Типологически в романе «Бедные люди» приёмы, создающие подобный эффект, возможно разделить на несколько групп.

Прежде всего, это упоминание героем «слога», выработкой которого он столь озабочен, комментирование собственно процесса письма, который при таком напряжённом внимании иной раз становится едва ли не главным содержанием предлагаемого эпистолярного фрагмента. К этому типу можно отнести и многочисленные замечания героя об отсутствии у него «слога»: «слогу-то нет, ведь я это сам знаю, что его нет, проклятого!..» [6, с. 42]; «хоть десять страниц намарай, никак ничего не выходит, ничего не опишешь...» [6, с. 40]; «расскажу вам без слога, а так, как мне на душу Господь положит» [6, с. 86].

В трагическом аспекте этот приём раскрывается в последнем письме Макара Девушкина, когда крик души героя, с отчаянием пытающегося остановить ту, которая уходит от него навеки, в конце концов превращается именно в письмо ради письма, имеющее единственным смыслом собственную длительность, потому что завершение текста, обрыв строки, финальная точка оказывается в данном случае буквально финалом – и надежд героя на счастье, и в конечном итоге самого его физического существования: «... ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее. Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее! ... А то у меня и слог теперь формируются.. Ах, родная моя, что слог! Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу, только бы писать, только вы вам написать побольше...» [6, с. 104]. Порыв героя, сопротивляющегося финальной

точке, своеобразное «восстание» против власти автора как безжалостного «порядка вещей», позволяет в неожиданном ключе интерпретировать и просьбу Макара Алексеевича, обращённую к Вареньке: «и когда уедете, так и оттуда письмо напишите» [6, с. 104], – словно бы из-за пределов романного текста как целого, завершённость которого «овеществляет», «объективирует» героя, отчего и возникает страстная жажда любой ценой разрушить её. Так незавершённость, динамическая структура повествовательного строя неожиданно приобретает собственно семантический эффект, становясь одним из главных механизмов оформления художественной антропологии Достоевского, человек в которой – подвижная, становящаяся, незавершённая энергия. «Становящееся» повествование и есть характерная для него форма «слова о мире». Характеризуя эту особенность «Бедных людей», М. М. Бахтин писал: «Достоевский изображает не “бедного чиновника”, но *самосознание* бедного чиновника» [1, т. 6, с. 57], следствием чего становится своеобразное «растворение» «твёрдых» черт героя, характерных для «обычного», традиционного описания: «они уже не могут завершить и закрыть героя...» [1, т. 6, с. 58], в результате чего то, что было «твёрдым и завершённым», становится лишь «моментом» процесса, который не имеет конца.

Не меньшее значение для создания динамики повествования имеет превращение героя эпистолярного романа не только в рассказчика, но и в «читателя».

Разумеется, наиболее известный момент этого самоопределения личности Макара Девушкина «с опорой» на литературу – его развёрнутые «рецензии» на «Станционного зрителя» Пушкина и «Шинель» Гоголя [2, с. 12–18]. Отметим, что своеобразной ключевой точкой в их оформлении становится момент опознавания Девушкиным в этих образах собственной личности (биографии – социального положения – судьбы), отчего динамичное, «живое» пушкинское повествование («Это живёт!») воспринято с восторгом, в то

время как более «объективирующее», холодно-аналитичное гоголевское резко отвергается именно за чуждость, «внешний» характер принятой «точки зрения»: «Как! Так после этого и жить себе смиренно нельзя в уголочке своём ... чтобы и в твою конуру не пробрались и не подсмотрели...» [6, с. 57].

Не столь остро драматическое, иронично-пародийное начало возникает в романе при характеристике штампов романтической прозы – «светской» и «исторической» повести, а также «гоголевской», «натуральной» бытописи, вводимой в роман благодаря восторженному рассказу Макара Алексеича о сочинениях его соседа, чиновника Ратазьева.

Здесь представляется особенно интересным тот резкий неожиданный переход, когда читатель-Девушкин принимается вообразить себя автором: «Ну вот, например, положим, что вдруг, ни с того, ни с сего, вышла бы в свет книжка под титулом – “Стихотворения Макара Девушкина”!» [6, с. 48] В наивно-инфантильных мечтах героя причудливо переплетаются идеалы «торгового» направления журнальной литературы «на излёте» романтизма 1830-х годов (не случайно письмо начинается подробнейшими вычислениями, сколько денег получает за свои сочинения Ратазьев) и жажда занять культурно-обусловленное место писателя в обществе. Оно столь заманчиво, что само по себе выводит героя за рамки привычного поведения «бедного чиновника», и даже детали его внешности в свете мечты «Девушкин – сочинитель!» получают совершенно иную оценку.

ТаковыобыграннаяДостоевскимдеталь – упоминание героем собственных рваных сапог (чрезвычайно ёмкая в культурологическом смысле благодаря многочисленным упоминаниям о «сапогах всмятку» представителей разночинной интеллигенции, в конце концов приведших к эпатажным высказываниям Писарева, что сапоги выше Пушкина, в свою очередь обыгранным в «Бесах», когда Степан Трофимович берётся доказать молодому поколению, «что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо...»).

Девушкин – «бедный чиновник» стыдится своих худых сапог и с ужасом представляет себе, что будет, если их заметят: «Да и что же тут такого, маточка, что вот хоть бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!» [6, с. 57]. Девушкин – «сочинитель», напротив, сохраняя внешнюю, «подставную» мотивировку стыда («я бы решительно тогда на Невский не смел бы показаться...» [6, с. 48]), тем не менее бравирует своими рваными сапогами, превращая их в своеобразный знак авторской избранности, свидетельство особого права скандализовать общество: «Ну что тогда б было, когда бы все узнали, что вот у сочинителя Девушкина сапоги в заплатках! Какая-нибудь там контесса-дюшесса узнала бы, ну что бы она-то, душка, сказала?» [6, с. 48]

Немыслимая в ином контексте фамильярность в адрес воображаемой «графини» («контессы»), которая, став для героя-«сочинителя» «читательницей» его сочинений, неизбежно теряет свою социальную исключительность, и в итоге сами рваные сапоги делаются знаком не социальной униженности, а – парадоксально – едва ли не избранности героя, «пробирающегося» именно в них в высший, недоступный для него социальный круг. «Она-то, может быть, и не заметила бы, ибо, как я полагаю, контессы не занимаются сапогами, к тому же чиновничьи сапогами (потому что ведь сапоги сапогам рознь), да ей бы рассказали про всё ... Да вот Ратазьев бы первый выдал...» [6, с. 48].

Особым приёмом, призванным усилить ощущение внутренней динамики повествования, становится в «Бедных людях» и активнейшее обыгрывание литературных реминисценций, – в данном случае, по видимому, существующих на пересечении «кругозора» героя и автора. Включённые в высказывания Макара Девушкина, они далеко не всегда опознаются героем как элементы «чужого слова», раскрывая свой метапоэтический потенциал именно в связи с кругозором автора и литературно образованного читателя.

В этом ряду стоят и реминисценции, соотносящие с литературным претекстом не столько высказывание как таковое, сколько событие. Сама жизненная реальность в этом случае насыщается соответствующими литературными коннотациями, создающими требуемый эмоциональный «колорит».

«Карамзинских» и шире, сентименталистских реминисценций в «Бедных людях» достаточно много, притом. Как убедительно доказали комментаторы романа, в большинстве своём они существуют в виде достаточно сложной, неоднородной метатекстовой «амальгамы», одним из главных следствий появления которой отказывается усложнение эмоционально-оценочного контекста сентиментального мотива. Яркий пример тому – образы Терезы и Фальдони, появляющиеся в первых письмах Макара Девушкина, соотносимые с сентиментальным романом Н.-Ж. Леонара «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живших в Лионе», и – в свою очередь, – «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, превращающего литературный сюжет с реальную жизненную историю, некогда произошедшую в Лионе. Как показывает Якубович, в круг источников, связанных с сюжетом «Тереза и Фальдони» для Достоевского, входил также рассказ М. И. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони», опубликованный в «Литературной газете» 14 февраля 1843 г. (№ 7) [11, с. 80–96]. Однако в результате Тереза и Фальдони у Достоевского из благородных добродетельных любовников превращаются в уродливых злобных старых слуг, которые ненавидят друг друга и чуть ли не дерутся.

Подобная трансформация узнаваемого сентименталистского мотива проис-

ходит и на макроуровне сюжета книги, – когда история преследования Вареньки помещиком Быковым, а впоследствии их брак соотносятся с сюжетной схемой романа С. Ричардсона «Памела, или Вознаграждённая добродетель». Однако в мире романа Достоевского раскрывается гораздо более глубокая и психологически сложная подоплёка этого брака; интерпретация его как удачного и счастливого сменяется пониманием истинных целей Быкова – как и истинных мотивов Вареньки, лишённой возможности иначе защитить себя в жестоком мире.

Заключение

«Карамзинское» начало в художественном мире первого романа Достоевского, а в перспективе – творчества писателя в целом, несводимо лишь к сентименталистским настроениям и пафосу сочувствия судьбе «простого человека». Гораздо более сложная и неочевидная специфика прозы Карамзина как «нарративной», впервые в русской литературе ставившей собственно эстетические задачи и решающей их с помощью усложнения повествовательных структур, также в полной мере реализовалась в произведениях Достоевского. Повествования от первого лица, и в том числе эпистолярные «опыты» Макара Девушкина в его творчестве – своеобразные примеры «становления» как личности автора, обретающего «слог» и внутреннее право высказать своё «слово о мире», так и самого текста – подвижного, «становящегося» на глазах читателя повествования, первооткрывателем которого для русской литературы и был Н. М. Карамзин.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 1996–2002.
2. Берсенёва В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 12–18.
3. Богданова О. В., Богатырева Л. В. Автоинтертекстуальное поле ранней прозы Ф. М. Достоев-

- ского // Вопросы русской литературы. 2019. № 2. С. 3–14.
4. Буяновская В. И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского как диалог старого и нового слова // *Studia Literarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 152–169.
 5. Ветловская В. Е. Источники и литературный контекст романа Достоевского «Бедные люди» // *Словесность и история*. 2020. № 3. С. 7–31.
 6. Достоевский Ф. М. *Бедные люди* / изд. подгот. К. А. Баршт. М.: Ладомир: Наука, 2015. 807 с.
 7. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Маленький человек Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // *Вестник русской христианской гуманитарной академии*. 2020. Т. 21. № 3. С. 419–428.
 8. Захарова О. В. Проблемы жанровой дифференциации повести и романа в полемике Ф. М. Достоевского в 1840-е годы // *Проблемы исторической поэтики*. 2019. Т. 17. № 2. С. 164–174.
 9. Киселюте И. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: исчезнувшие «мысли о его превосходительстве» // *Вестник Московского университета*. 2018. № 6. С. 110–116.
 10. Салова С. А. Ф. М. Достоевский и Д. И. Фонвизин: вектор преемственности // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2018. № 6. С. 866–870.
 11. Якубович И. Д. Поэтика романа «Бедные люди» в свете европейской традиции эпистолярного романа: Н. Леонар – Пушкин – Достоевский // *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 80–96.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Russian dictionaries Publ., Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996–2002.
2. Berseneeva V. A. [Reception of “The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin” by Alexander Pushkin in the novel “Poor People” by F. M. Dostoevsky: Images and Motives]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 431, pp. 12–18.
3. Bogdanova O. V., Bogatyreva L. V. [The autointertextual field of F. M. Dostoevsky]. In: *Voprosy russkoi literatury* [Questions of Russian literature], 2019, no. 2, pp. 3–14.
4. Buyanovskaya V. I. [“Poor people” by F. M. Dostoevsky as a dialogue of the old and new words]. In: *Studia Literarum* [Studia Literarum], 2018, vol. 3, no. 4, pp. 152–169.
5. Vetlovskaya V. E. [Sources and Literary Context of Dostoevsky]. In: *Slovesnost' i istoriya* [Literature and history], 2020, no. 3, pp. 7–31.
6. Dostoevskii F. M. *Bednye lyudi* [Poor people]. Moscow, Ladomir Publ., Nauka Publ., 2015. 807 p.
7. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. [Dostoevsky]. In: *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2020, vol. 21, no. 3, pp. 419–428.
8. Zakharova O. V. [Problems of genre differentiation of the story and the novel in the polemics of F. M. Dostoevsky in the 1840s]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems istoricheskoi poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 164–174.
9. Kisieliute I. [“Poor people” by F. M. Dostoevsky: disappeared “thoughts of his excellency”]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], Moscow, 2018, no. 6, pp. 110–116.
10. Salova S. A. [F. M. Dostoevsky and D. I. Fonvizin: the vector of continuity]. In: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], 2018, no. 6, pp. 866–870.
11. Yakubovich I. D. [Poetics of the novel “Poor people” in the light of the European tradition of the epistolary novel: N. Leonard – Pushkin]. In: *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya*. T. 16 [Dostoevsky. Materials and research. Vol. 16], St. Petersburg, 2001, pp. 80–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. Повествовательные принципы Н. М. Карамзина в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 65–72.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72

FOR CITATION

Alpatova T. A. Narrative Principles of N. Karasmzin in the Artistic Structure of the F. Dostoevsky's "Poor Folk". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 65–72.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-65-72